

© 2023 г. М.Д. БУХАРИН

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В КОНЦЕ 1930-х – 1940-е годы: ЛИНИЯ МИШУЛИНА

Бухарин Михаил Дмитриевич — действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Аннотация. Развитие исторической науки в СССР в 1930–1940-е годы, как и развитие других сфер общественной жизни, например культуры или государственной идеологии, шло в неразрывной связи с динамикой внешней политики. Основным внешнеполитическим вопросом, определявшим развитие исторической науки, являлись отношения между СССР и Германией. Ориентация СССР в 1930-х годах на заключение союза с Великобританией и Францией определяла доминирование «антигерманской» линии даже в тех направлениях исторических исследований, которые, на первый взгляд, не были связаны с новейшей историей в целом и историей Германии в частности. Эта линия четко проявляется в обсуждении причин упадка хараппской цивилизации, имевшего место якобы под давлением индоарийских племен, с которыми в соответствующих исследованиях по умолчанию отождествлялась Германия второй половины 1930-х годов. Инициатором «антигерманской» линии в изучении древней истории выступил А.В. Мишулин. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. по инициативе того же Мишулина тональность работ по древней истории резко меняется на «германофильскую». При этом первая «антигерманская» тенденция не ушла в прошлое, а развивалась параллельно со второй. Развивалось и советско-германское научное сотрудничество, о котором свидетельствуют документы из Архива РАН. «Прогерманское» направление сошло с повестки дня с началом Великой Отечественной войны, «антигерманское» («антииндоарийское») – с обретением Индией независимости в 1947 г. и постепенным установлением дружественных отношений между СССР и Индией.

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, историческая наука, научная политика, научное сотрудничество, научная дипломатия, древняя история, хараппская цивилизация.

M.D. Bukharin

Soviet Historical Science and Foreign Policy Dynamics in the Late 1930s and 1940s: The Mishulin Line

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Abstract. Historical scholarship in the USSR in the 1930s and 1940s developed along with the dynamics of foreign policy. The main issue that shaped the development of historical scholarship was Soviet-German relations. The Soviet alignment with Great Britain and France determined the dominance of the “anti-German” line even in those areas of historical research which, at first

glance, were unrelated to modern history in general and German history in particular. Thus, this line is clearly evident in the discussion of the causes of the decline of the Harappan civilisation, which allegedly came about under pressure from the Indo-Aryan tribes, with whom Germany was implicitly identified in relevant studies in the second half of the 1930s. The initiator of the “anti-German” line in ancient history was Alexander Mishulin. After the conclusion of the Soviet-German Non-Aggression Treaty on 23 August 1939, the tone of the works on ancient history changed abruptly to “Germanophile” at the initiative of the same scholar. At the same time, the first — “anti-German” — line still persisted and developed in parallel with the second. Soviet-German academic cooperation was also progressing, as can be observed in the documents of the archives of the Russian Academy of Sciences. The “pro-German line” disappeared with the outbreak of the Great Patriotic War, while the “anti-German” (“anti-Indo-Aryan”) one disappeared with the independence of India in 1947 and the gradual forging of friendly relations between the USSR and India.

Keywords: foreign affairs, USSR, historical scholarship, scientific policy, academic cooperation, academic diplomacy, ancient history, Harappan civilisation.

Динамика развития внешней политики оказывала значительное влияние на науку и культуру в СССР. Это влияние могло выражаться в непосредственной директивной форме, а могло быть проявлением самоцензуры. Так, первое направление представлено изменением места идеи панславизма в государственной идеологии 1930-х годов в связи с изменением внешнеполитической линии СССР¹ (данный сюжет представляется перспективным для исследования влияния внешнеполитической динамики и на развитие научного славяноведения в СССР). С другой стороны, развитие отношений с Индией после обретения ею независимости в 1947 г. и провозглашения республики в 1950 г., выработки самостоятельного внешнеполитического курса отражались на такой важной для советского государства сфере культуры, как балет². Отношения СССР с независимой Индией складывались в 1947–1955 гг. непросто, за это время образ стран в восприятии друг друга менялся радикально. Как выявила О.С. Сапанжа, свидетельством этой динамики явились, в частности, балетные либретто, авторы которых внимательно прислушивались к изменениям на внешнеполитической сцене³.

Влияние внешней политики на развитие науки, в частности исследований в области истории, давно стало общим местом в исследованиях по истории исторической науки: так, динамика советско-германских отношений на рубеже 1930–1940-х годов определяла и тональность исследований по древней истории (античности), и направления научных связей СССР⁴. Между тем в истории развития советской гуманитарной науки, научной дипломатии и научной сферы в целом в означенный период в контексте внешней политики СССР еще немало темных мест.

Вторая половина 1930-х годов выдалась для международного положения в Европе крайне напряженным, одним из наиболее сложных периодов в истории. Нарастание напряженности сопровождалось попытками практически всех основных сил создать или вступить в уже созданную коалицию, ограничить возможности военно-политических союзов потенциальных врагов. При этом ситуация была крайне неясной, очертания союзов быстро менялись, менялась внутривнутриполитическая риторика, отражавшая ситуацию на внешнеполитических фронтах.

¹ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. С. 73–75.

² Сапанжа О.С. Советский балет в системе культурной дипломатии: три неосуществленных спектакля Государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты») // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. 14 (1). P. 223–249.

³ Сапанжа О.С. Указ. соч. С. 227–228.

⁴ Картюк С.Г., Кулишова О.В. Предвоенная древняя история: С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестник древней истории. 2018. № 2 (78). С. 389–404.

Главным источником международной напряженности в Европе выступала Германия. Оккупация Рейнской области Германией и оформление «оси» Берлин – Рим в 1936 г., аншлюс Австрии 18 марта 1938 г., чехословацкий кризис и заключение Мюнхенского договора 29–30 сентября 1938 г. между Германией, Великобританией, Францией и Италией, создание протектората Богемии и Моравии в марте 1939 г. перекроили политическую карту Европы, нарушили баланс сил и вынудили великие державы, в том числе СССР, заново расставлять акценты во внешней и внутренней политике. В 1939 г. между СССР и Великобританией, СССР и Францией, СССР и Германией шли интенсивные консультации, исход которых не был ясен для их участников. Фактически вопрос сводился к тому, какой облик примут коалиции Франции и Великобритании, с одной стороны, Германии и Италии – с другой, сохранит ли СССР нейтралитет или выступит союзником одной из них. К концу июня 1939 г. становилось все более ясным, что советско-англо-французская коалиция, скорее всего, сформирована не будет. Однако этот вопрос не был решен окончательно.

Обострение внешнеполитических противоречий, начало прямых вооруженных столкновений в Европе привели к тому, что международные научные связи быстро деградировали. СССР и Европа погружались в атмосферу изоляции: к 1940 г. практически исчезли индивидуальные научные командировки советских ученых, оборвалась практика их приглашения и участия в крупнейших международных научных конференциях и приглашения иностранных ученых в СССР. В Европе также начинались «новые времена»: некогда единое научное пространство оказалось разорванным на части, которые практически не имели каналов связи между собой. Проверка самой обычной информации превращалась в сложную проблему, место достоверных сведений занимали разного рода химеры⁵.

Динамика внешнеполитической обстановки определяла развитие не только формальной, но и содержательной стороны исторических исследований. В становлении советского исторического нарратива особую роль была призвана сыграть древняя история. В значительной степени усилиями востоковеда В.В. Струве и антиковеда С.А. Жебелёва были выработаны такие понятия, как типологическое единство древних обществ на основе рабовладельческого способа производства, восстание как центральный элемент классовой борьбы при переходе от одной общественно-исторической формации к другой.

Другой центральной фигурой в становлении советского историописания был Александр Васильевич Мишулин (1901–1948) – профессор МГУ, заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР, главный редактор журнала «Вестник древней истории». Мишулин не только позволял себе выступать верховным арбитром в теоретических спорах о типологии древних обществ, обозначая принципиальные недостатки в работах того же Струве⁶, но и стремился заниматься всеми территориями, входившими в круг древних обществ, оспаривая у Струве роль неформального главы сообщества историков древности. Будучи в большей степени антиковедом, он обозначал генеральную линию развития исследований и в области древневосточных обществ, в частности в области древнейшей истории Индии.

В конце 1930-х годов резко обострилась дискуссия вокруг, казалось бы, такой периферийной для советской науки темы, как развитие и упадок хараппской цивилизации. Главные города Хараппы были открыты в 1922 г., и усилиями археологов Дж. Маршалла и Э. Маккея удалось быстро выявить существование одной из великих цивилизаций бронзового века, не уступавшей по уровню развития цивилизациям Египта и Месопотамии. В отличие от других великих культур древности, Хараппа претерпела явственный упадок и гибель. Весьма показательны для характеристики исследовательских методов советских историков попытки связать угасание Хараппы с нашествием индоарийских племен. Как

⁵ См.: Бухарин М.Д. Европейская историческая наука конца 1930-х – начала 1940-х годов: международные связи и химеры изоляции // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 172–183.

⁶ Например: Мишулин А.В. Советская историография и задачи древней истории // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 5.

ни удивительно, рост интереса к судьбам хараппской цивилизации был спровоцирован именно резкими изменениями в политической ситуации в Европе в связи с подготовкой и началом Второй мировой войны. Такие аспекты, как «вторжение», «завоевание», «покорение и ассимиляция», столь актуальные для Европы конца 1930-х годов, вызывали повышенный интерес и при обращении к иным стадиям всемирной истории.

А.В. Мишулин в середине – второй половине 1930-х годов придерживался традиционной для советского исторического нарратива антифашистской (читай: антигерманской) направленности. Так, в передовице, открывавшей первый номер «Вестника древней истории» за 1938 г., он писал: «И в этой области подвизались авантюристы от науки, не знавшие ни языков, ни древней истории народов Востока. Немало здесь подвизалось и троцкистско-бухаринских агентов фашизма, использовавших фронт востоковедной науки для своей подлой предательской работы». При этом, однако, здесь же Мишулин выступал с относительно еретической мыслью: «Историку-марксисту надо усвоить лучшие достижения буржуазных ученых». Человек внимательный и осторожный, Мишулин прикрыл этот призыв цитатой Ленина о необходимости отнестись к этим достижениям «критически». Во всяком случае, «окно в Европу» Мишулин пока не закрывал, а в следующем разделе (на этой же странице) буржуазной науке все же досталось: «Молодой марксистской исторической науке предстояло расчистить авгиевы конюшни буржуазной истории»⁷.

Мишулин в этой передовице в то же время не оценил в полной мере важности дискуссии об основных категориях всемирно-исторического процесса, давая не совсем дружественные характеристики ленинградским ученым В.В. Струве, С.И. Ковалеву, Б.Л. Богаевскому, А.И. Тюменеву. Он бросает им те упреки, которые противная сторона в конце 1930-х годов, несомненно, воспринимала как комплимент: «Выступления главным образом ленинградских историков (Струве, Ковалев) на дискуссиях, отдельные статьи и работы их (Ковалев, Богаевский, Тюменев) отвлекали общими рассуждениями о формациях и о противоречиях в них от конкретно-исторического исследования всего многообразия исторических явлений греко-римского мира. Эти выступления были тем более вредны, что эти историки пользуются авторитетом не только в Ленинграде, но и далеко за пределами его»⁸. Эта полемика показывает исключительную ценность такого научно-административного ресурса, находившегося в распоряжении Мишулина, как неограниченная возможность выступать с передовицами в «Вестнике древней истории» и задавать тональность в исследованиях древности. Академик Струве и другие ленинградские историки выступают в представлении московского историка-администратора не просто «вредителями», практически союзниками «троцкистско-бухаринских агентов фашизма», но и личными врагами Мишулина. Впрочем, ленинградская «партия» платила ему той же монетой. Следует отметить, что среди своих классовых врагов Мишулин не назвал другого ленинградского академика-антиковеда – С.А. Жебелёва, некогда имевшего со Струве весьма напряженные отношения, а к концу 1930-х годов ставшего уже «классиком» советской марксистской исторической науки.

Противостояние Мишулина ленинградским членам АН СССР (Струве и Тюменеву) было выражено и далее: «Упущением надо считать свертывание работ по изучению истории Византии, оказавшей огромное влияние на культуру древней Руси. Академия наук СССР не считает нужным выпускать журнал по истории Византии вместо закрытого в 1930 г. “Византийского Временника” и, по-видимому, работы в этой области не ведет»⁹. Очевидно, что линий разлома в советской науке о древности было достаточно много, и Мишулин со страниц «Вестника древней истории» позволял себе очень смелые

⁷ Там же. С. 5–6.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 11.

высказывания: разгром византиноведения в СССР определенно не был связан с деятельностью или бездействием Академии наук и ее ленинградских членов¹⁰.

Пользуясь внутренним расколом в среде историков древности, Мишулин фактически монополизировал формирование «антииндоарийской» линии. Так, в третьем номере «Вестника древней истории» за 1939 г. вышла очередная «редакционная» статья «Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая)»¹¹. В ней автор, вероятно, сам А.В. Мишулин, главный редактор журнала, сформулировал один из стереотипных выводов об ариях – разрушителях хараппской культуры: «Арии должны быть поставлены на свое место – племена завоевателей, которые некогда вторглись в долину Инда и разрушили древнюю дравидийскую культуру, а затем исчезли с арены истории, как и многие другие древние народы»¹². Мишулин увидел явные параллели между действиями Германии в Европе в конце 1930-х годов и ариями, которые, как он полагал, разрушили дравидийскую культуру Хараппы. Данный номер «Вестника древней истории» был подписан в печать 7 июля 1939 г., т.е. в тот период, когда Германия еще воспринималась как агрессор, посягающий на территориальную целостность европейских государств¹³. Антигерманская направленность в изучении древней истории дала о себе знать, и публикации, в которых индоарийские поработители (читай: гитлеровская Германия) подвергались нещадному бичеванию в связи с гибелью высокоразвитой хараппской культуры, следовали после мишулинской передовицы одна за одной.

Конечно, не только советская гуманитарная наука до середины 1939 г. развивалась в русле антигерманской направленности. Так, аграрии, желавшие узнать, как развивается сельскохозяйственная сфера в Германии и у ее союзников, могли обратиться к «Настольному календарю колхозника» за 1939 г. В нем имелся специальный раздел «Зарубежное крестьянство под фашистским гнетом». Относительно положения крестьян в Германии все точки над «i» расставляла статья «Положение крестьян в фашистской Германии»¹⁴, за которой следовали статьи о положении крестьян в Японии, Италии и Польше – равно незавидном (с советской точки зрения). Должный контраст создавал соседний раздел «За передовую науку» (с. 239–243), в котором анализировалась научная деятельность таких представителей советской сельскохозяйственной науки, как К.А. Тимирязев, И.В. Мичурин, В.Л. Комаров, Т.Д. Лысенко, В.Р. Вильямс. Вполне ожидаемо, что в «Настольном календаре колхозника» за следующий (1940) год¹⁵, т.е. в период после заключения советско-германского пакта о ненападении, антигерманский (а равно и антиитальянский, антияпонский и, конечно, антипольский) посыл полностью отсутствует.

Между тем к концу августа 1939 г. англо-советско-французские переговоры были фактически свернуты, а переговоры между СССР и Германией возобновились чуть ранее – 22 июля 1939 г. Они ознаменовались заключением ряда соглашений: торгово-кредитного (19 августа) и пакта о ненападении 23 августа 1939 г., который и сформировал окончательный облик предвоенной расстановки сил в Европе.

¹⁰ См., в частности: *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Все горе в звериной ненависти к византиноведению ...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // *Византийский временник*. Т. 103. М., 2019. С. 314–340.

¹¹ [Б.и.]. Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая) // *Вестник древней истории*. 1939. № 3. С. 3–10.

¹² Там же. С. 8.

¹³ См. статьи в «Правде» за 15 марта 1939 г., № 73 (7753) на одной и той же странице (с. 12): «Германский агрессор ликвидирует чехо-словацкое государство», «Отторжение Словакии», «Отделение Карпатской Украины», «Германия стягивает войска к чехо-словацкой границе», «Плоды Мюнхена», «Новый акт агрессии в Центральной Европе», «Казни в Германии», «Чемберлен приглашает Геринга в Лондон».

¹⁴ [Б.и.]. Положение крестьян в фашистской Германии // *Настольный календарь колхозника*. 1939 год. [М.], [1938]. С. 227–228.

¹⁵ *Настольный календарь колхозника на 1940 год (высокосный год 366 дней)*. [М.], 1940.

Неудача попыток сформировать союз с Великобританией и Францией и формирование такого блока с Германией привели к тому, что резко поменялась тональность центральной прессы в отношении участников переговоров: явно антигерманские настроения внезапно сменились нейтральной и даже почти сердечной риторикой. Так, в том же «Вестнике древней истории» был опубликован обзор деятельности VI Международного археологического конгресса в Берлине, который проходил 20–26 августа 1939 г.¹⁶ Откровенно расистские высказывания участников форума в этот обзор, конечно, не попали, однако сам факт публикации подобного обзора для нового периода в истории советско-германских отношений показателен¹⁷.

Развитие ситуации в научной и политической сфере в СССР 1939–1940 гг. в контексте развития отношений с Германией хорошо видно из публикаций в центральной печати. Так, 22 декабря 1939 г. к 60-летию И.В. Сталин был избран почетным членом АН СССР. По этому поводу в московском Доме ученых состоялось торжественное общее собрание, «посвященное развитию марксистско-ленинской теории в работах товарища Сталина» (см. репортаж в «Правде», № 353 (8038)). Под гром оваций Сталин был избран почетным членом АН СССР, а завершил общее собрание доклад А.М. Панкратовой «Сталин и историческая наука», который должен был показать ведущую роль истории в созвездии научных дисциплин.

В том же номере были опубликованы поздравления глав государств и министров иностранных дел по случаю 60-летия Сталина: Германии (А. Гитлер, без указания должности; И. фон Риббентроп, министр иностранных дел), Финляндии (О. Куусинен от имени Народного правительства Финляндии), Китая (Глава Китайского государства и Китайской национальной армии Чан-Кайши), Словакии (президент Тисо), Турции (Сараджоглу, без указания должности), Эстонии (Ю. Лайдонер, Ю. Улуотс, А. Пийп, без указания должностей), Латвии (Мунтерс, без указания должностей и инициалов), Литвы («мининдел» Урбшис), Селтер (без указания страны и должности). В этом же выпуске «Правды» представлены репортажи из ряда других стран и рефераты иностранной прессы о 60-летии Сталина. На последней странице выпуска обличались «агрессивные» планы Великобритании в отношении Германии и давался пересказ сообщений германских и французских информбюро о боевых действиях на западном фронте.

25 декабря 1939 г. в «Правде», № 355 (8040) в череде ответных благодарностей, выраженных главам государств и министрам иностранных дел по случаю 60-летия Сталина, обращения «к главе германского государства Адольфу Гитлеру» и «министру иностранных дел Германии господину Иоахим фон Риббентроп» также стоят во главе списка. Вероятно, наборщики текста так волновались, что допустили одну вопиющую неточность. Во всех обращениях к главам государств и главам МИД Германии, Финляндии, Монголии, Словакии, Турции, Эстонии, Латвии, Литвы и снова Эстонии обращения «господину» или «товарищу» даны срочными буквами, и только четыре представителя Эстонии удостоились обращения с прописных букв. Более того, отдельно благодарность была направлена главнокомандующему эстонской армией Ю. Лайдонеру, премьер-министру Ю. Улуотсу и министру иностранных дел А. Пийпу и после благодарности представителям Латвии и Литвы – бывшему министру иностранных дел Эстонии К. Селтеру, который подписал договор о сотрудничестве между Эстонией и СССР 26 сентября 1940 г.

В декабре 1939 г. Германия со страниц «Правды» представляла первым союзником СССР. Историческая наука, 60-летний юбилей Сталина, боевые действия Германии против Франции, СССР против Финляндии (вынужденные, конечно), тесные политические контакты между СССР и Германией сплелись в один клубок.

¹⁶ Диль Э. VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.) // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 214–216.

¹⁷ Картюк С.Г., Кулишова О.В. Указ. соч. С. 396–397.

На этот же период приходятся последние очные в довоенный период контакты советских и германских ученых. Как следует из анонимного сообщения ТАСС, «делегация советских ученых возвратилась из-за границы», в той же «Правде» от 1 февраля 1940 г., № 31 (8077) (с. 2) делегация ученых в составе председателя Комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанова¹⁸, Д.Г. Виленского¹⁹, С.А. Новикова²⁰, Д.И. Дейнеки²¹ и А.М. Еголина²² вернулась в Москву из Братиславы и Берлина. В Братиславе делегация участвовала в торжественном заседании по случаю назначения ректором местного университета премьер-министра Тука. На обратном пути делегация на несколько дней съездила в Берлин, где посетила основные научные учреждения и присутствовала на торжественном годовичном собрании Прусской академии наук. В честь советской научной делегации был дан торжественный обед. «Всюду мы встречали радушный прием», – говорится в заключение репортажа. В дальнейшем подобные репортажи в центральной советской и партийной печати не встречаются, что говорит о сворачивании непосредственных научных контактов между Германией и СССР при сохранении видимости доброжелательной атмосферы в отношениях между странами.

В этой связи значительный интерес представляет собой история с публикацией статей крупного чешского филолога-востоковеда, ректора Карлова университета с 1939 г. Бедржиха (Фридриха) Грозного (1879–1952). В 1936 г. Грозный посетил СССР, опубликовал по итогам визита несколько общественно-политических статей²³ и удостоился пристального внимания со стороны властей СССР. В 1940 г. в «Вестнике древней истории» вышла статья Б. Грозного, посвященная дешифровке хараппской письменности²⁴.

Появление этой статьи имело свою предысторию, развивавшуюся с декабря 1939 по март 1940 г. Эта предыстория отражена в восьми документах, отложившихся в Архиве Российской академии наук²⁵. Ход событий выглядит следующим образом: 23 декабря 1939 г. сектор древней истории Института истории АН СССР за подписью заведующего А.В. Мишулина обратился в отделение истории и философии АН СССР с просьбой поддержать выделение 56 ф. ст. для приобретения трех статей Ф. Грозного²⁶ для их публикации в «Вестнике древней истории»²⁷.

На бланке Института Истории АН СССР

23 декабря 1939 г.

Выписка из постановления сектора древней истории Института Истории АН СССР

От 16/XII-39 г.

По сообщению редакции «Вестника древней истории» об открытии Ф. Грозного и представления последним своей публикации об этом открытии советской науке.

¹⁸ Кафтанов, Сергей Васильевич (1905–1978) – председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР в 1937–1946 гг.

¹⁹ Виленский, Дмитрий Гермогенович (1892–1960) – почвовед, геоботаник, профессор МГУ (1933), декан геолого-почвенного факультета МГУ в 1939–1950 гг.

²⁰ Новиков, Сергей Александрович (?–?) – биолог-зоолог, профессор, директор Московского зоопарка в 1927–1928 гг., действительный член Биологического (Тимирязевского) института.

²¹ Дейнека, Дмитрий Иванович (1875–1954) – биолог, зоолог, заведующий кафедрой в 1922–1953 гг., декан биологического факультета ЛГУ в 1940–1945 гг.

²² Еголин, Александр Михайлович (1896–1959) – литературовед, заведующий кафедрой (1935–1941) и декан (1937–1940) филологического факультета МИФЛИ им. Н.Г. Чернышевского, депутат Московского Совета депутатов трудящихся в 1939–1947 гг.

²³ См., в частности: Грозный Ф. В пяти советских республиках // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 14–24.

²⁴ Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 15–35.

²⁵ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71.

²⁶ В документах имя Грозного передается то как Ф., то как Б.

²⁷ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 1; также цитируется на основе документов из фонда отделения истории АН СССР (Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 11); Карпюк С.Г., Кулишова О.В. Указ. соч. С. 398.

Постановили: Считая открытие Грозного по расшифровке недавно найденных протоиндийских табличек (в Мохенджо-даро и Хараппе – Пенджаб) исключительным по своему значению, а также учитывая желание Ф. Грозного первую публикацию этого открытия сделать в советской научной печати, признать необходимым немедленное опубликование этого открытия в «Вестнике древней истории».

Просить Бюро Отделения Истории и Философии АН СССР возбудить вопрос перед Президиумом АН СССР об отпуске валюты в размере 56 фунтов стерлингов на приобретение рукописей (три) Ф. Грозного.

Руководитель сектора древней истории [подпись] (Мишулин)

Присоединяемся к постановлению сектора и со своей стороны также возбуждаем этот вопрос перед Президиумом отпустить необходимые средства для публикации работы Ф. Грозного.

Академик Деборин.

[подпись] Академик Греков.

[подпись] Академик Струве.

[подпись] Академик Тюменев.

[подпись] Академик Волгин.

[подпись] Академик Готье.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 1. Машинопись. Подписи от руки.

Отделение истории и философии поддержало просьбу сектора древней истории Института истории АН СССР и вышло с соответствующим ходатайством в президиум АН СССР²⁸, однако первая реакция президиума была отрицательной²⁹. Дело в том, что запрошенная сумма составляла 1175 руб. золотом и превышала весь бюджет Академии наук на снятие фотокопий. К делу подключилась редакция «Вестника древней истории» во главе А.В. Мишулиным, которая также обратилась в президиум АН СССР с просьбой о выделении средств на приобретение трех статей Б. Грозного³⁰. Аргументация Мишулина, подписавшего ходатайство, была чисто научной, лишенной какой-либо идеологической составляющей: чешский ученый совершил открытие, честь первой публикации которого выпала советскому журналу.

На бланке редакции журнала «Вестник древней истории»

Красная площадь, здание Верховного Совета СССР, 3-й этаж, т. 91-01

9 февраля 1940 г.

В президиум Академии наук СССР

В секретариат тов. Светлова

Проф. Б. Грозный – один из крупнейших мировых ученых. В 1915 г. он расшифровал хеттские клинописные тексты и установил шесть языков, дотоле не известных, на древнем Востоке. Через 20 лет Грозный расшифровал хеттское иероглифическое письмо. О своих открытиях в 1937 г. сделал ряд докладов в Академии наук и других научных учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси.

Последнее открытие проф. Грозного – *расшифровка протоиндийских писем*, относящихся к древнейшей дравидийской культуре, открытой в последние годы раскопками в Мохенджо-даро.

Свое последнее открытие проф. Грозный предлагает опубликовать в «Вестнике древней истории». Его значение для науки не только в том, что оно позволяет прочесть немногочисленные пока протоиндийские надписи, но и в том, что подвигает вперед проблему

²⁸ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 4.

расшифровки критских писем и помогает установить исторические связи между народами Востока в древнейшее время.

Представление своего открытия советской науке для первой публикации имеет большое значение. Академия наук должна воспользоваться возможностью дать публикацию нового открытия Грозного, имеющего мировое значение, и оплатить эту публикацию (в трех статьях), в связи с чем Отделение Истории и Философии обратилось в Президиум с соответствующим ходатайством.

Ответственный редактор [подпись] (А. Мишулин).

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 4. Машинопись. Подпись от руки.

Президиум АН СССР решил выйти со своим ходатайством в Совнарком с просьбой выделить необходимую сумму, для чего А.В. Мишулину было направлено обращение с просьбой дать исправления и завизировать обращение в СНК. Соответствующее обращение на имя заместителя председателя СНК СССР А.Я. Вышинского было подготовлено и за подписью вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта отправлено в Совнарком³¹.

11 марта 1940 г.

Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Вышинскому А.Я.

Чехословацкий историк профессор Б. Грозный расшифровал протоиндийские письма, относящиеся к древнейшей дравидийской культуре, открытой в последние годы раскопками в Мохенджо-даро (Пенджаб).

Значение этого открытия для исторической науки состоит не только в том, что оно позволяет прочесть немногочисленные протоиндийские надписи, но и в том, что оно дает возможность расшифровки бесчисленных критских писем, остающихся в течение почти полвека загадкой для лингвистов, а также установления исторических связей между народами Востока в древнейшее время.

Будучи в 1937 г. в СССР, проф. Грозный прочел ряд докладов в Академии наук СССР и других научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси о своих открытиях в области расшифровки древних хеттских писем (в 1914–1916 г.).

Учитывая большое научное значение открытия проф. Грозного, Отделение Истории и Философии Академии Наук СССР обратилось в Президиум Академии с просьбой о приобретении трех рукописей проф. Грозного, оцениваемых им в 56 фунтов стерлингов.

Президиум Академии наук СССР просит Совет Народных Комиссаров СССР об ассигновании Академии наук 56 фунтов стерлингов (1175 руб.) на приобретение рукописей профессора Грозного.

Вице-президент Академии наук СССР

Академик

(О.Ю. Шмидт)

Секретарь Президиума

Академии наук СССР

(П.А. Светлов)

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 7. Машинопись. Без подписей.

Венцом истории стало обращение А.Я. Вышинского к наркомфину А.Г. Звереву с просьбой выделить 56 ф. ст. на приобретение рукописей трех статей Б. Грозного и извещением заинтересованных лиц в академии наук³².

³¹ Там же. Л. 5–7.

³² Там же. Л. 8; также цитируется на основе документов из фонда отделения истории АН СССР (Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 77); *Карпюк С.Г., Кулишова О.В.* Указ. соч. С. 398.

На бланке Совета Народных Комиссаров СССР

17 марта 1940 г.

Москва, Кремль

Наркомфин – тов. Звереву А.Г.

Академия наук СССР – тов. Шмидту О.Ю.

СНК Союза ССР разрешает Наркомфину СССР выдать Академии наук СССР 56 фунтов стерлингов на приобретение рукописей профессора Грозного.

Зам. председателя СНК Союза ССР [подпись] (А. Вышинский)

19. III. Копия послана акад. Деборину и Шидловскому.

т. Гоя.

Николаеву

Прошу сообщить по [...] для реализации. [подпись]

19 21/02 40.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 8. Машинопись. Подпись синим карандашом.

Приписки чернилами.

Эта история рассматривалась ранее как попытка советских историков помочь чешскому коллеге, попавшему в трудную материальную ситуацию³³. Данная точка зрения основана на предположении, что Грозный отказался от поста ректора Карлова университета. Между тем именно в 1939–1940 гг. Грозный занимал этот пост³⁴, а отказался он возглавить министерство просвещения, т.е. история с публикацией статей Грозного в «Вестнике древней истории» началась еще тогда, когда он был ректором университета. Едва ли на этом посту Грозный испытывал такие материальные трудности, которые мог бы облегчить гонорар за публикацию в советском журнале. Скорее всего, А.В. Мишулин стремился развить те формы советско-германского научного сотрудничества, которые в 1939–1940 гг. было еще возможно развивать.

Тем временем границы окончательно закрывались, и научное сотрудничество между СССР и Германией перешло в «заочную» форму. Очевидно, что именно в свете нового – германофильского – внешнеполитического направления была организована кампания по празднованию 500-летнего юбилея изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом. 1440 г. – дата для обозначения новой эры в культуре человечества в высшей степени условная. Тем не менее Академия наук СССР, государственные учреждения и творческие союзы развернули бурную деятельность по организации юбилея свершения немецкого первоизобретения. Показательны следующие документы из Архива РАН:

№ 1

Выписка из протокола заседания президиума АН СССР от 4 февраля 1940 г.

11 февраля 1940 г.

Академику А.М. Деборину, академику Б.Д. Грекову

5. Об ознаменовании 500-летия со времени изобретения Гутенбергом книгопечатания

Докладчик академик А.М. Деборин

Просить академиков А.М. Деборина, В.Д. Грекова и В.П. Волгина войти в президиум АН СССР с представлением о мероприятиях по ознаменованию 500-летия со времени изобретения Гутенбергом книгопечатания и о составе Комиссии по данному юбилею.

П/п вице-президент Академии наук СССР,

Академик О.Ю. Шмидт

Секретарь президиума Академии наук СССР

П.А. Светлов

³³ Картюк С.Г., Кулишова О.В. Указ. соч. С. 398.

³⁴ См. галерею ректоров на сайте университета: URL: <https://cuni.cz/UK-2367.html> (дата обращения: 15.10.2022).

Вх. № 99

13/II-40 г.

Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а (1940). Д. 1. Л. 40. Машинопись.

№ 2

Выписка из протокола заседания президиума АН СССР от 8 апреля 1940 г.

13 апреля 1940 г.

Всем отделениям АН СССР, акад. А.М. Деборину, акад. И.К. Луппол, акад. Б.Д. Грекову, акад. Е.М. Ярославскому, акад. А.С. Орлову, акад. И.И. Мещанинову, акад. И.А. Орбели, акад. Н.П. Киселеву, акад. И.И. Яковкину.

II. Об ознаменовании 500-летия изобретения книгопечатания (24 июня 1940 г.)

[...]

Считать необходимым организовать в июне месяце 1940 г. совместно с наркомпросом РСФСР и Союзом советских писателей торжественное заседание, посвященное 500-летию книгопечатания.

Принять следующий план докладов на торжественном заседании.

«Печать – самое острое оружие нашей партии» (Е.М. Ярославский).

«Язык, письменность, книга» (А.С. Орлов, И.И. Мещанинов).

«По истории книгопечатания» (А.И. Орбели, Н.П. Киселева).

«Создание алфавитов и полиграфической базы для языков народов СССР, не имевших письменности до революции».

«Книжные сокровища СССР» (И.И. Яковкин).

Поручить академикам А.М. Деборину, И.К. Лупполу и Б.Д. Грекову уточнить мероприятия, связанные с ознаменованием 500-летия книгопечатания.

Просить академиков А.М. Деборина, И.К. Луппол и Б.Д. Грекова представить свои соображения президиуму АН СССР не позднее 20-го апреля с.г.

П/п Вице-президент АН СССР академик О.Ю. Шмидт.

Секретарь президиума АН СССР – П.А. Светлов.

Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а (1940). Д. 1. Л. 89. Машинопись.

Торжественные заседания сопровождались значительным количеством публикаций как в центральной прессе, так и в научно-популярных изданиях³⁵, и едва ли их появление можно объяснить вдруг проснувшимся интересом к свершению немецкого первопечатника. Определенно их выход в свет был связан с централизованной поддержкой публикаций по данной тематике.

Советско-германское сотрудничество после заключения пакта 23 августа 1939 г. в экономической и политической сферах усиливалось. Как следует из статьи «Германская печать о советско-германском хозяйственном соглашении» («Правда». 15 февраля 1940. № 45 (8091). С. 3), советско-германское экономическое сотрудничество неуклонно укреплялось, а передовые европейские экономики (им посвящен отдельный обзор «Отклики иностранной печати на советско-германское экономическое сотрудничество» в том же издании) радостно приветствовали этот процесс.

Научный нарратив следовал генеральной внешнеполитической линии. Важнейшую роль в его выработке сыграла «этапная» статья «На историческом фронте» («Правда». 15 ноября

³⁵ Бас И. Великое открытие: 500 лет книгопечатания. М.; Л., 1940; *Его же*. Пятисотлетие книгопечатания, 1440–1940 // *Большевистская печать*. 1940. № 13. С. 55–59; *Киселев Н.П.* Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе: (К 500-летию книгопечатания) // *Исторический журнал*. 1940. № 9. С. 77–99; *Его же*. Пятисотлетие книгопечатания: (Выставка и конференция во Львове) // *Историк-марксист*. 1940. № 1. С. 100–109; *Люблинский В.С.* Производство книги в прошлом. Л., 1940; *Проскурин Н.П.* 500-летие изобретения книгопечатания // *Полиграфическое производство*. 1940. № 6. С. 3–10; *Скрябинская Е.И.* 500 лет европейского книгопечатания // *Советская наука*. 1940. № 8. С. 98–121.

1940. № 317 (8363). С. 3) того же А.В. Мишулина, который инициировал «индоарийский погром» в середине 1939 г. на страницах «Вестника древней истории», фактически отождествив индоариев как агрессивных примитивных варваров с гитлеровской Германией. На этот раз Мишулин, перечислив основные достижения в изучении всеобщей истории, истории СССР, древней истории, сделанные советской наукой, уделив внимание изучению гомеровских поэм, ни словом не обмолвился о наличии проблемы вторжения и покорения высокоразвитых народов представителями этносов, претендующих на некую избранность. Более того, Мишулин, ссылаясь на Энгельса, говорит о том, что германцы «омолодили» Римскую империю. Равным образом, по его мнению, славяне «омолодили» Византию.

Это сообщение отчасти повторяет положения более ранней статьи самого Мишулина: «Недоразвитость общественного строя древних славян для перехода к феодализму долго еще держала их в условиях отношений так называемого дофеодалного периода, особенно у восточных славян. И наоборот, зрелые вполне отношения империи для перехода к феодализму получили еще новый толчок в лице славянской общины, сыгравшей здесь, на востоке империи, роль германской марки на западе. В этом – историческая роль древних славян, их вторжений для судьбы империи на Востоке»³⁶.

Однако более явно видна связь с положениями доклада М.И. Артамонова «Вопросы ранней истории славянства», сделанного на утреннем заседании Отделения истории и философии АН СССР 26 марта 1940 г.: «Великое славянское вторжение в пределы Восточно-Римской империи VI–VII вв. представляет значительное сходство с германскими вторжениями на территорию Западной Европы в IV–V вв. Сходство это не случайно, а вытекает из естественного хода вещей, из столкновения между одряхлевшей цивилизацией и полным сил варварством. Победа германцев была обусловлена развалом рабовладельческого хозяйства и античной политической системы, не имевшей сил, чтобы справиться с внутренней классовой борьбой и наступлением варваров, приветствуемых поработенными и эксплуатируемыми классами Римской империи»³⁷. Следует отметить, что сам Мишулин на докладе Артамонова не присутствовал, однако, так как, судя по стенограмме, «доклад проф. Артамонова представлен в письменном виде»³⁸, возможно, одна из копий попала в руки и Мишулину. Показательно, однако, что суть статьи Мишулина в «Правде» отличается от того, что он писал за год до этого на страницах «Вестника древней истории»: «Известно, что фашистские “историки” и в Германии готовы историю “гения” или “арийского духа” объяснить микробиологическим анализом “арийской крови”». Более того, фашистские “историки” на этом не останавливаются. В любом проявлении высокой культуры они сейчас же готовы видеть действие “арийской крови” и присутствие чистокровного германца. Такие “исторические исследования”, естественно, нельзя было проделать без самых откровенных фальсификаций. Но это, как известно, фашистов отнюдь не смущает»³⁹. Далее, ссылаясь на Сталина, Мишулин говорит о том, что германцы не «омолодили» (как в статье в «Правде»), а «с громом опрокинули» Рим – здесь без точной ссылки цитируется речь Сталина на XVII съезде ВКП(б)⁴⁰.

Статья А.В. Мишулина «На историческом фронте» спровоцировала дальнейшее обострение противоречий среди историков древности. Противоречия эти, как и ранее, пролегли по нескольким направлениям: 1) географическому: Москва – Ленинград, 2) институциональному: принадлежность к Академии наук СССР и 3) административному. Суть противоречий в данном случае менее важна, хотя достаточно показательна. Как демонстрирует стенограмма ноябрьского заседания Отделения истории и философии АН СССР 1940 г.⁴¹, посвященного

³⁶ Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 306.

³⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 13. Л. 15 (17).

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. С. 290.

⁴⁰ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 20 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 12.

⁴¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 33. Л. 29–41.

юбилею Ф. Энгельса, ленинградские историки древности академики В.В. Струве и А.И. Тюменев выразили резкое несогласие с позицией Мишулина, выраженной в статье в «Правде». Суть полемики свелась к обвинениям в «ревизии марксизма», выдвинутом против Мишулина, а основаниями для обвинения являлась трактовка гомеровского общества в категориях Маркса и Энгельса (классовое или родовое). Мишулин, очевидно, не самый утонченный знаток советско-марксистской категориальной казуистики, стал легкой добычей Струве и Тюменева, а попытки отшутиться и свести дискуссию на уровень противостояния (читай: ревности) ленинградских историков московским вызвали негодование у руководителя отделения академика А.М. Деборина, вставшего на сторону коллег по академии⁴².

Очевидно, что дух и буква статьи А.В. Мишулина в «Правде» полностью противоречили сути того направления, которое Мишулин вольно или невольно задал передовицей в № 3 «Вестника древней истории» за 1939 г. Тем не менее обличительный пафос в отношении варваров-ариев – агрессоров и разрушителей хараппской цивилизации – бушевал в советском востоковедении вплоть до обретения Индией независимости, когда стало очевидно, что новый друг СССР сам является прямым наследником индоарийской культуры. Таким образом, за неполные полтора года А.В. Мишулин породил два «нарратива» в советской исторической науке: антигерманский и германофильский. И оба эти нарратива существовали одновременно.

Высказывания ведущих советских историков древности о победе молодых варварских народов над дряхлеющими империями определенно составлены под влиянием событий 1939 г., когда германцы и славяне поделили «одряхлевшую» Польшу и Прибалтику. Еще ждали своей участи Бессарабия, Северная Буковина и область Герц, присоединение которых к СССР оформилось ко 2 августа 1940 г. Откликом на это событие стал доклад директора Института истории АН СССР академика Б.Д. Грекова «Состояние вопроса о древнейших судьбах славянства в Прикарпатских областях», сделанный на утреннем заседании Отделения истории и философии АН СССР 25 сентября 1940 г.⁴³ В данном докладе Греков собрал свидетельства средневековых источников и мнения историков и филологов, которые связывают этноним Русь и прародину славян с карпатско-дунайским регионом. Получалось, что СССР присоединил русско-славянские земли, восстановив историческую справедливость: «Историю славян от Дуная отделить нельзя. На Дунае и в Прикарпатье происходили крупнейшие события в истории народов нынешней Европы и в том числе славян западных, южных и восточных... На этой территории в результате кризиса Римской империи, в данном случае восточной ее части, образовались варварские государства по преимуществу славянские»⁴⁴.

Тут же докладчик сокрушался по поводу того, что «Карпатско-Дунайский участок Руси далеко не пользовался тем вниманием, какого он, несомненно, заслуживал и заслуживает»⁴⁵.

Продолжение антигерманской линии на страницах «Вестника древней истории» выглядело, конечно, противоречием с общим настроением историков древности. Однако государство на рубеже 1930–1940-х годов, видимо, уже не обращало внимания на публикации в специализированных журналах, тем более если его главный редактор инициировал и другую – идеологически правильную – линию; однако такие мегапроекты, как «Всемирная история», – другое дело. В ее первой, довоенной редакции сохранились две попытки изложения истории Хараппы. Первая принадлежит Н.А. Шолпо, который выступил автором 31-й главы⁴⁶. Исходное название (машинописное) «Краткий очерк истории культуры древней Индии» было зачеркнуто, вместо него дано другое, вставленное синими чернилами – «Древнейшая Индия. Страна и население». В конце листа 3 начинается раздел «Индская культура», от которого сохранилась только вводная фраза: «Раскопки индийского археолога Ба[нерджи]...» На следующем листе (4) начинается текст другого раздела главы XXXV: «Древнейшая Индия», автором которого

⁴² См.: Карпюк С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М., 2021. С. 196–200.

⁴³ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 23. Л. 24 (27).

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 435. Л. 1–3. Далее текст обрывается.

выступил И.Л. Снегирев⁴⁷. Верхний левый угол листа занимает размашистая резолюция, оставленная синим карандашом: «Глава пойдет в другой редакции. Этого читать не надо!» Далее на листах 4–33 дан очень аккуратный пересказ основных положений работ Дж. Маршалла по раскопкам Мохенджо-Даро. Упоминаются и другие имена – Э. Маккея и Б. Грозного, однако основным источником сведений для автора раздела явились именно отчеты о раскопках Мохенджо-Даро Дж. Маршалла.

Для начала автор отвергает, как положено, воззрения «многих буржуазных ученых» на место древнеиндийской цивилизации в семье древних обществ (приниженное как недоразвитое в сравнении с обществом Египта и Месопотамии), на роль ариев в развитии древней Индии. На листе 6 И.Л. Снегирев переходит к пересказу материала по истории хараппской культуры. Последний абзац работы посвящен обоснованию раннеклассового характера хараппского общества и, главное, тому, что «в развитии культуры древнейшей Индии и образовании раннего государства на территории долины Инда нет места пресловутым арийским завоевателям».

Очевидно, когда автору стало ясно, что текст не будет издан в предложенной редакции, он передал его в «Вестник древней истории», где тот и был опубликован⁴⁸. Можно предположить, что данный вариант не оставили в структуре «Всемирной истории» парадоксальным образом именно ввиду наличия в нем «антииндоарийского» (читай: антигерманского) пафоса. «Всемирная история» рассматривалась как предприятие значительно более статусное, показательное для всей советской исторической науки, и присутствие в нем, в отличие от «Вестника древней истории», скрытой, но легко читаемой антигерманской направленности в 1940 г. было уже невозможно.

В итоге получилась такая последовательность этапов и «ловушек», невольно расставленных А.В. Мишулиным:

- к 1939 г. советская историческая наука, в частности древняя история, следовала в русле антигерманской направленности. Это выражалось в том числе в подспудном, но отчетливо читаемом отождествлении индоариев, якобы уничтоживших высокоразвитую хараппскую цивилизацию, с германскими агрессорами;

- с осени 1939 г. после заключения советско-германского пакта о ненападении антигерманская тенденция резко сменилась на германофильскую. В центральной советской партийной печати этой тенденции положил начало тот же А.В. Мишулин. При этом антигерманизм в древней истории сохранился и соседствовал с германофильством;

- начало Великой Отечественной войны положило конец германофильству в исторических исследованиях: подспудный антигерманизм в рассмотрении истории древней Индии опять вышел на первый план;

- после обретения Индией независимости стало очевидно, что антигерманизм в контексте древней истории Индии фактически равен антииндийской направленности, так как именно ведийская культура, родоначальниками которой выступили индоарии, являлась исходной точкой культурного кода независимой Индии, на сближение с которой были направлены внешнеполитические усилия СССР после 1947 г.

Попытки историков согласовывать свои исследования с генеральной внешнеполитической линией государства всякий раз выводили эти работы за рамки собственно научного творчества.

⁴⁷ Ранее авторство этого раздела атрибутировалось двусмысленно: «В Архиве РАН сохранились за авторством Шолпо главы “Индия эпохи арийского завоевания”, а также древнейшая Индия, которая была переписана за И.Л. Снегирева» (Карпюк С.Г., Крих С.Б. История древности во «Всемирной истории» // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. М., 2022. С. 97. Прим. 72), а также: «В рукописи за авторством Шолпо сохранились листы рукописи главы Снегирева...» (Карпюк С.Г., Крих С.Б. Указ. соч. С. 98. Прим. 74).

⁴⁸ Снегирев И.Л. Древнейшая Индия в свете последних археологических раскопок // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 155–168.

Библиография

- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // Византийский временник. Т. 103. М., 2019. С. 314–340. [Б.и.]. Положение крестьян в фашистской Германии // Настольный календарь колхозника. 1939 год. [М.], [1938]. С. 227–228.
- [Б.и.]. Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая) // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 3–10.
- Бас И. Великое открытие: 500 лет книгопечатания. М.; Л., 1940. Бас И. Пятисотлетие книгопечатания, 1440–1940 // Большевицкая печать. 1940. № 13. С. 55–59.
- Бухарин М.Д. Европейская историческая наука конца 1930-х – начала 1940-х гг.: международные связи и химеры изоляции // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 172–183.
- Грозный Б. Протоиндийские письма и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 15–35.
- Грозный Ф. В пяти советских республиках // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 14–24.
- Диль Э. VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.) // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 214–216.
- Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017.
- Карпюк С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М., 2021.
- Карпюк С.Г., Крих С.Б. История древности во «Всемирной истории» // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. М., 2022. С. 56–124.
- Карпюк С.Г., Кулишова О.В. Предвоенная древняя история: С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестник древней истории. 2018. № 2 (78). С. 389–404.
- Киселев Н.П. Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе: (К 500-летию книгопечатания) // Исторический журнал. 1940. № 9. С. 77–99.
- Киселев Н.П. Пятисотлетие книгопечатания: (Выставка и конференция во Львове) // Историк-марксист. 1940. № 1. С. 100–109. Люблинский В.С. Производство книги в прошлом. Л., 1940.
- Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307.
- Мишулин А.В. Советская историография и задачи древней истории // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 5.
- Настольный календарь колхозника на 1940 год (высокосный год 366 дней). [М.], 1940.
- Проскурнин Н.П. 500-летие изобретения книгопечатания // Полиграфическое производство. 1940. № 6. С. 3–10.
- Сапанжа О.С. Советский балет в системе культурной дипломатии: три неосуществленных спектакля Государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты») // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. Vol. 14 (1). P. 223–249.
- Скрябинская Е.И. 500 лет европейского книгопечатания // Советская наука. 1940. № 8. С. 98–121.
- Снегирев И.Л. Древнейшая Индия в свете последних археологических раскопок // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 155–168.

References

- Ananiev V.G., Bukharin M.D. “Vse gore v zverinoj nenavisti k vizantinovedeniyu ...”: V.N. Beneshevich i Akademiya nauk SSSR v 1933–1937 gg. [“All Grief in Animal Hatred to Byzantine Studies...”: V.N. Beneshevich and the USSR Academy of Sciences in 1933–1937] // Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Time Period]. T. 103. Moskva, 2019. S. 314–340. (In Russ.)
- Bas I. Pyatisotletie knigopchataniya, 1440–1940 [500th Anniversary of Book-Printing? 1440–1940] // Bol'shevistskaya pechat' [The Bolshevik Press]. 1940. № 13. S. 55–59. (In Russ.)
- Bas I. Velikoe otkrytie: 500 let knigopchataniya [Great Discovery: 500th Anniversary of Book-Printing]. Moskva; Leningrad, 1940. (In Russ.)
- Bukharin M.D. Evropejskaya istoricheskaya nauka kontsa 1930-kh – nachala 1940-kh gg.: mezhdunarodnye svyazi i himery izolyatsii [European Historical Science of the Late 1930s – Early 1940s: International Connections and Chimeras of Isolation] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 172–183. (In Russ.)
- Diehl E. VI Mezhdunarodnyj arheologicheskij s'ezd v Berline (20–26 avgusta 1939 g.) [VI International Archaeological Congress in Berlin (20–26 August 1939)] // Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]. 1940. № 1. S. 214–216. (In Russ.)

Dubrovskiy A.M. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.) [Power and Historical Thought in the USSR (1930–1950)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Groznyj B. Protoindiyskie pis'mena i ikh rasshifrovka [Proto-Indian letters and their Decipherment] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1940. № 2. S. 15–35. (In Russ.)

Groznyj F. V pyati sovetskikh respublikakh [In five Soviet Republics] // Vestnik drevnei istorii [Bulletin of Ancient History]. 1937. № 1. S. 14–24. (In Russ.)

Karpyuk S.G., Kulishova O.V. Predvoennaya drevnyaya istoriya: S.A. Zhebelyov i sovetsko-germanskije nauchnye svyazi v 1939–1941 gg. [Pre-war Ancient History: S.A. Zhebelev and Soviet-German Scientific Relations in 1939–1941] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 2018. № 2 (78). S. 389–404. (In Russ.)

Karpyuk S.G. “Sovetskaya drevnost'”: istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody [“Soviet antiquity”: the History of Science and Society in the 1930–1960 years]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Karpyuk S.G., Krikkh S.B. Istoriya drevnosti vo “Vsemirnoy istorii” [History of Antiquity in “The World History”] // “Sovetskaya drevnost'”: lyudi, uchrezhdeniya, knigi i nauka o drevnosti v SSSR [“Soviet Antiquity”: people, institutions, books and the science of antiquity in the USSR] / red. S.G. Karpyuk. Moskva, 2022. S. 56–124. (In Russ.)

Kiselev N.P. Izobretenie knigopechataniya i pervye tipografii v Evrope: (K 500-letiyu knigopechataniya) [Invention of Book-Printing and the First Printing Houses in Europe: (To the 500th Anniversary of Book-Printing)] // Istoricheskij zhurnal [Historical Magazine]. 1940. № 9. S. 77–99. (In Russ.)

Kiselev N.P. Pyatisotletie knigopechataniya: (Vystavka i konferenciya vo L'vove) [Five Hundredth Anniversary of Book-Printing: (Exhibition and Conference in Lviv)] // Istorik-markсист [Historian-Marxist]. 1940. № 1. S. 100–109. (In Russ.)

Lyublinskij V.S. Proizvodstvo knigi v proshlom [Book-Production in the Past]. Leningrad, 1940. (In Russ.)

Mishulin A.V. Drevnie slavyane i sud'by Vostochnorimskoj imperii [Ancient Slavs and Fates of the East Roman Empire] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1939. № 1. S. 290–308. (In Russ.)

Mishulin A.V. Sovetskaya istoriografiya i zadachi drevney istorii [Soviet Historiography and the Tasks of Ancient History] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1938. № 1. S. 3–12. (In Russ.)

[No name]. Polozhenie krest'yan v fashistskoy Germanii [The Situation of Peasants in Fascist Germany] // Nastol'nyi kalendar' kolhoznika. 1939 god [Desktop calendar of the collective farmer. 1939]. [Moskva], [1938]. S. 227–228. (In Russ.)

[No name]. Problemy marksistskogo izucheniya drevney istorii (peredovaya) [Problems of Marxist study of ancient history (Editorial)] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1939. № 3. S. 3–10. (In Russ.)

Nastol'nyj kalendar' kolhoznika na 1940 god (vysokosnyj god 366 dnej) [Collective Farmer's Desktop Calendar for 1940 (Leap Year 366 days)]. [Moskva], 1940. (In Russ.)

Proskurnin N.P. 500-letie izobreteniya knigopechataniya [500th Anniversary of the Invention of Book-Printing] // Poligraficheskoe proizvodstvo [Printing production]. 1940. № 6. S. 3–10. (In Russ.)

Sapanzha O.S. Sovetskij balet v sisteme kul'turnoy diplomatii: tri neosushchestvlennykh spektaklya Gosudarstvennogo akademicheskogo teatra opery i baleta im. S.M. Kirova (“Chudo Indii”, “Doch' Indii”, “Tantsovshchitsa iz Kal'kutty”) [Soviet Ballet as an Aspect of Cultural Diplomacy: Three Unproduced Ballets of the Kirov Theater (“Miracle of India”, “Daughter of India”, “Dancer from Calcutta”)] // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. 14 (1). S. 223–249. (In Russ.)

Skrzhinskaya E.I. 500 let evropeyskogo knigopechataniya [500 years of European Book-Printing] // Sovetskaya nauka [Soviet Science]. 1940. № 8. S. 98–121. (In Russ.)

Snegirev I.L. Drevneyshaya Indiya v svete poslednikh arheologicheskikh raskopok [Oldest India in Light of Latest Archaeological Excavations] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1940. № 2. S. 155–168. (In Russ.)